

тайствовать за Лобачевского и Симонова непосредственно перед министром, о чем он сообщил и Броннеру. "Я писал обо всем министру, на днях рассчитываю лично говорить с ним и представлю ему всю несправедливость действий Совета". На этот раз хлопоты попечителя увенчались полным успехом. 7 июля 1816 г. Лобачевский и Симонов были утверждены министром в звании экстраординарных профессоров без избрания их в Совете ввиду "засвидетельствования г. попечителя об отличных их познаниях", о чем Салтыков победоносно и сообщил Броннеру в письме от 24 июля: "Симонов и Лобачевский утверждены наперекор интриге в звании профессоров. Я настоял на том и написал министру, что я почту честь свою оскорбленную, если он не утвердит их на основании моего представления — без баллотировки и помимо участия в деле университетского Совета". Предложение министра об утверждении новых экстраординарных профессоров было заслушано в Совете 4 августа, и Совету оставалось лишь принять к сведению совершившийся факт, сделав постановление о приведении Лобачевского и Симонова к присяге и о даче Правлению выписки относительно удовлетворения их жалованьем.

Так кончилось это столкновение самолюбивого попечителя и большинства университетского Совета.

Лобачевский, как экстраординарный профессор, должен был теперь не только взять на себя преподавание более ответственных и менее интересных для молодого ученого курсов (в 1816 г. он сменил преподавание теории чисел на преподавание начальной математики для вновь поступающих студентов), но и принять более деятельное участие во всей университетской жизни. Мы встречаем его имя в числе членов особого комитета, избранного 13 октября 1816 г. по делу "об ослушании студентов противу начальства и чинимых грубостях". Комитет, образованный почти исключительно из светской, и притом русской, молодежи, уже 23 числа того же октября вошел в Совет с обширным представлением, в котором, выказав весьма гуманное отношение к провинившимся студентам, подверг строгой критике условия студенческой жизни, содействующие понижению общего нравственного уровня студенчества.

Одною из наиболее характерных и симпатичных черт устава 1804 г. является та созидательная и руководящая роль в деле народного просвещения, которая возлагалась на университеты. Особый отдел этого устава — об училищах, подведомственных университету — ставит университет во главе всех училищ его учебного округа. "Университет, имея надзирание за учением и воспитанием во всех губерниях, округ его составляющих, — говорит § 160 устава, — прилагает особое и неутомимое попечение, дабы гимназии, уездные и приходские училища везде, где оным быть положено, учреждены и снабжены были знающими и благонравными учителями и учебными пособиями и дабы порядок учения соблюдаем был везде неослабно". Непосредственным университетским органом по училищным делам является особый Училищный комитет, образующийся под председательством ректора из шести ежегодно избираемых Советом ординарных профессоров с секретарем из адъюнктов или магистров. Полномочия Училищного комитета в деле управления училищами округа были весьма велики. Он получал от избираемых университетским Сове-